

Ч А Р О Д Е Й К И

—ДЕЛИЯ—
РОССИ

... ЧУЖАЯ ...
РОЗА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р76

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Росси, Делия.

Р76 Чужая роза : [роман] / Делия Росси. — Москва :
Издательство АСТ, 2021. — 352 с. — (Чародейки).

ISBN 978-5-17-137556-0

За два года, проведенных в Ветерии, я успела понять, что от аристократов этого мира лучше держаться подальше. Но что делать, если путь домой лежит через особняк герцога Абьери? И как быть, если сам Алессандро Абьери проявляет ко мне странный интерес? А ведь я не одна, у меня на руках ребенок, ради которого я готова на все. Стать личной служанкой герцога? Прикоснуться к его тайнам? Преодолеть собственные чувства? Обещаю, я со всем этим справлюсь, как и с остальными ловушками судьбы.

А сердце... Что ж, я справлюсь и с ним тоже. Наверное.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137556-0

© Д. Росси, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Алессия Пьезе

Монета упала на темную брусчатку. Тихий металлический звон заставил меня оторваться от разглядывания каменных львов Абьери и опустить глаза. Медный динар вращался прямо у моего подола. Тусклый, потертый, прошедший через многие сотни рук, он крутился все медленнее, пока не остановился и не упал плашмя на пыльный камень.

Я прихлопнула монету ладонью, быстро сунула ее в карман и посмотрела вслед уходящему мужчине в черном. Среднего роста, худощавый, из-под потертого берета выглядывают темные вьющиеся волосы. Одет небогато. Что заставило его кинуть мне динар? За то время, что прожила в Ветерии, я уже успела узнать, что ее жители не отличаются излишним милосердием, да и побирушек не жалуют. Кьер, полкьера — вот и все, что мне удавалось собрать за день, не считая ругательств и насмешек. А тут — целый динар. Поразительная щедрость! Жаль только, что моей проблемы этим не решить.

Я покосилась на невозмутимые каменные морды, украшающие ворота герцогского дворца, и вздохнула.

— Молчите? — прошептала на родном языке. — Не хотите выдавать своих секретов?

В глазах одного из львов мелькнул алый отблеск, но стоило присмотреться, как он тут же пропал. Нет, не торопились магические охранники дворца раскрывать свои тайны. Не хотели делиться ими с чужаками. Вот уже три недели я разглядывала неподвижные мраморные изваяния, но так и не приблизилась к тому, ради чего оказалась в Ветерии. Что скажешь? Невезение...

Ветер донес из трагтории аромат запеченного с травами мяса, и живот свело от голода, а перед глазами проплыли заманчивые видения: куски аппетитной свинины, сочащиеся жирным соком ребрышки, золотистая полента, политые соусом каперини. Я представила все это так отчетливо, что рот наполнился горькой слюной, а желудок обиженно заурчал. Да, не часто ему перепадает поесть досыта.

Грохот колес заставил меня отвлечься от грустных мыслей.

— Франческо! — послышался громкий окрик, и я увидела подъехавшую к воротам крытую повозку. На козлах сидел худой светловолосый мужчина с острым, как осколок стекла, лицом. — Где тебя носит, бездельник? — недовольно проворчал он. — Открывай скорей!

— Чего кричишь, Лоренцо? Нетерпеливый какой! Похоже, ты из материнского лона сам в руки повитухи выпрыгнул? — насмешливо ответил ему стражник, крупный детина в яркой желто-синей форме. Он, не торопясь, вышел из караулки, поднял шлагбаум, преграждающий въезд под каменные своды ворот, и громко спросил: — А что, Лоренцо, как в Адуе погода? Говорят, дожди зарядили?

— Льет не переставая, света белого не видно, — неохотно ответил Лоренцо и злобно прикрикнул на лошадей: — Ну? Чего встали? Пошли!

Повозка с гулким грохотом проехала под сводами ворот и скрылась во дворе, а стражник опустил полосатый шлагбаум и покосился в мою сторону. На лице его мелькнуло раздумье.

— Все сидишь? — крикнул он мне. — Не боишься ньюра герцога прогневать?

Я молча качнула головой и отвернулась.

— А ты рожу-то не вороти, — не унимался стражник. — Здесь побирושкам не место. Иди отсюда.

Он махнул рукой, сопровождая свои слова пренебрежительным жестом, и презрительно поджал губы.

Ох, как же мне хотелось сказать этому мужлану пару ласковых, но я не могла позволить себе такой роскоши, поэтому просто опустила глаза и уставилась на свои стоптанные туфли.

— Ты слышала? — повысил голос стражник.

Он вразвалку двинулся ко мне, заложив большие пальцы рук за пояс и неся вперед свое пузо, как таран.

— Ну? Пошла отсюда!

Стражник навис надо мной, в нос ударил запах чеснока, и я не выдержала. Подняла голову и с вызовом посмотрела в рыхлое, ноздреватое лицо.

— Чего глазюки вылупила? — в голосе мужчины послышался испуг. — Ишь ты, желтые, как у кошки. Ну что ты на меня смотришь? Разжалобить хочешь? Или приворожить?

Он некрасиво оттопырил нижнюю губу и торопливо перекрестился.

— Со мной святые Аброзио и Винченцо, — тихо пробормотал стражник и уже громче добавил: — Иди отсюда, ведьма, нечего у окон ньюра герцога торчать.

— Нет. — Я упрямо помотала головой.

— Что ты сказала?

Двойной подбородок стражника дернулся, а за ним кольхнулся и перетянутый двухцветным поясом живот.

— Я никуда не уйду, — повторила я, надеясь, что стражник не обратит внимания на мой акцент. — И я не ведьма. Навере — свободный город. Тут любой может делать то, что хочет. Закон герцогства.

— Так ты еще и чужестранка? — не оправдал моих ожиданий толстяк. — Гляди-ка, говорить толком не научилась, а законы знает.

Огромный, плотно обтянутый желтым сукном живот кольхался перед глазами, вызывая желание отодвинуться подальше, но я только выше вскинула голову и продолжала пристально смотреть на мужчину.

— Я никуда не уйду. — Голос звучал твердо. Так, словно я в своем праве. Знаю я этих ветерийцев, стоит дать слабину, показать неуверенность — и стражник меня прогонит.

Ветер снова донес аромат мяса и специй, юркий воробей вспрыгнул на дворцовую ограду, часы на колокольне мелодично звякнули. Я по-прежнему смотрела в выпуклые рыбы глаза нависшего надо мной мужчины. Прошла минута, другая, и стражник сдался. Он выругался, еле слышно

пробормотал что-то о настырных ведьмах и о том, куда бы он их всех сослал, а потом вернулся в караулку, и на площади снова воцарилась сонная тишина, нарушаемая лишь однообразным воркованием голубей да скрипом старого платана, растущего у стен галереи.

Алессандро Абьери

Нищенка была странной. Серая юбка — ветхая, открывающая стройные ноги в старых стоптанных туфлях; скрученные в низкий узел медные волосы, слегка удлиненное лицо, красивое дерзкой, тревожащей душу красотой, тонкие загорелые руки, выглядывающие из куцых рукавов рубашки.

Каждое утро нищенка приходила на площадь Варезе и усаживалась прямо напротив его особняка, а потом раскладывала на темных камнях застиранный платок и замирала, уставившись на одного из мраморных львов, охраняющих вход в ворота. В отличие от обычных нищих, эта вела себя тихо: не хватала за руки проходящих мимо жителей Навере, не причитала, не выпрашивала денег. Просто сидела и смотрела на каменного стража — отрешенная, обособленная ото всех невидимой стеной, застывшая в каком-то своем, недоступном для других мире.

Ей подавали. Немного, несколько полкьеров, иногда drobхоты кидали и кьеры, видимо, как и он, привлеченные необычным лицом и странными, цепляющими душу глазами. Пару раз он видел, как с нищенкой пытались заговорить, но та ни на кого не реагировала — неподвижная и словно закованная в броню своего молчания, она сидела, не шелохнувшись, и пристально смотрела на каменного льва. Почему-то всегда — на левого, с отбитым во времена Ардельского восстания носом. Странная девушка. Что она забыла у его ворот?

Алессандро уперся ладонями в дубовую раму и взгляделся в отрешенное лицо. Расстояние было приличным, но он отчетливо видел ровные темные брови, высокий лоб, ниточку пробора в густых волосах, загорелую кожу, потрепавшиеся пухлые губы. И глаза — яркие, большие, похожие на куски янтаря, в которых отражалось жаркое солнце

Ветерии. Они сияли ровным теплым светом и манили, тревожили, будоражили что-то внутри, словно молодое игристое перне.

Алессандро поморщился. Какое ему, герцогу Абьери, дело до немой оборванки? Почему он не может выкинуть ее из головы?

Он наблюдал за ней уже пятый день, и его не отпускало странное, ноющее чувство. Хотелось подойти к бродяжке, поднять ту за руки и заглянуть в осколки янтаря, по какой-то случайности оказавшиеся в ее глазах. Алессандро и сам не мог объяснить зачем, но вот хотелось, и все тут. Глупая, ничем не оправданная блажь.

Тихий стук в дверь заставил его отвлечься.

— Ньор герцог, принесли кольцо от мэтра Фабьени.

Джунио поклонился, изображая почтительность, но Абьери не обольщался. Черные, крупные, как веренские маслины, глаза слуги блестели непокорным духом истинного сына Адуи.

— Скажи, я сейчас спущусь.

— Да, ньор герцог.

На смуглом лице блеснули белые зубы, и Джунио бесшумно исчез за широкими дверями, а он повернулся и с удивлением понял, что картинка за окном изменилась. Площадь Варезе, памятник Велиасу Красивому, сытые голуби, деловито расхаживающие по темным плитам — все это было. А нищенки, всего минуту назад подпирающей стену галереи Авецци, не было.

— Куда она делась?

Гумер, его адский пес, тихо зарычал. В злобных алых глазах мелькнуло пламя, и Алессандро замер, ощущая странную пустоту.

— Да какая разница? — рассердился он.

Далась ему эта девка? Что за странная прихоть? Не хватало еще думать о какой-то оборванке. Но внутри засело неприятное неудовлетворение, и он зачем-то приложил руку к груди — туда, где ощущалась непонятная пустота. Постоял так немного, а потом резким движением задернул штору, возвращая комнату в полумрак, и пошел к выходу. Гумер неслышно скользнул следом.

Коридор окутал прохладой. Под гулкими сводами прокатилось эхо шагов. Яркие фрески, написанные почти два века назад, показались тусклыми и уродливыми, и Алессандро прибавил шаг, торопясь избавиться от засевшего внутри глухого недовольства.

Стоило спуститься по лестнице, как навстречу кинулся парнишка в традиционной зеленой одежде ювелиров. Стражники сопровождения остались на месте.

— Ньор герцог. — Посыльный низко поклонился, протягивая небольшой футляр. — Мэтр Фабьени велел передать, что все исполнено точно по вашему эскизу.

Парень поднял взгляд, и в карих глазах мелькнуло хорошо знакомое Алессандро нездоровое любопытство. Он давно уже к нему привык и научился не обращать внимания на досужие сплетни, но сегодня все вызывало глухое раздражение, в том числе и чужое внимание.

Он открыл коробочку и равнодушно уставился на сверкающий в бархатной синеве бриллиант. Россыпь сапфиров, окружающих камень, оттеняла холодным сиянием многочисленные грани. Золотая оправа казалась тяжелой и внушительной.

— Ньор герцог, если вам что-то не нравится, — взволнованно произнес подмастерье Фабьени, уловив его недовольство, — мэтр обязательно все переделает, только скажите.

— Меня все устраивает, — закрыв футляр, ответил Алессандро. — Вот, возьми за труды.

Он протянул парню пару динариев.

— Покорнейше благодарю, ньор герцог, — снова низко поклонился тот и попятился к выходу, не переставая кланяться, но Аьбери уже забыл о посыльном, продолжая разглядывать кольцо. «Бриллиант семейства Фалько, ньор герцог, самый крупный бриллиант во всей Ветерии, — снова всплыл в голове голос ювелира. — Подобного нет даже в императорской сокровищнице».

Что ж, верно. Камень, принадлежавший погибшему Пьетро Фалько, был единственным в своем роде и довольно древним. На протяжении столетий за ним тянулась кровавая цепочка убийств и загадочных смертей, впрочем, это

только увеличивало его ценность. «Белое проклятие» — так прозвали бриллиант суверенные ветерийцы, но он проверил, никаких проклятий на камне не было. Всего лишь толика магии, присущая любому драгоценному камню, да несколько простых заклинаний сохранности.

Алессандро поднес кольцо ближе, рассматривая игру света в тонких фигурных гранях, и отстраненно подумал, что сделал весьма удачное приобретение. Сто семнадцать каратов, золото без примесей, сапфиры чистой воды.

Абьери захлопнул крышку и небрежно убрал футляр в карман. На душе было пусто и холодно. И почему-то снова вспомнился яркий янтарь загадочных глаз. Мадонна... Далась ему эта нищенка?

Алессия Пьезе

Пронзительный плач я услышала от самого перекрестка.

Улицы Ваенезе и Ардеи петляли по всему Навере, то разбегаясь, то устремляясь навстречу друг другу, чтобы слиться в тесном объятии сразу за площадью Варезе и тут же отпрянуть, как пойманные обманутым мужем любовники. И сейчас, оказавшись в отчаянном переплетении их рук, я уловила крик Беттины и почувствовала, как гулко забилося сердце.

— Никак не унимается, ньора Алессия, ревет и ревет, уж и не знаю, чего ей надобно! — частил семенящий рядом Фабио — сын вдовы, у которой я снимала угол. — И горячая вся, аж рукам жарко.

Горячая... Святая Лючия, только бы не скарлатина и не корь! В этом проклятом мире их попросту не умеют лечить. Окуривают больных серой и какими-то травами, и если кто и выживает, то не благодаря искусству врачей, а скорее, вопреки.

Юбка путалась в ногах, мешала идти, тянула назад, к равнодушному взгляду каменных львов Абьери, но я, подхватив ветхую ткань повыше, изо всех сил побежала к низкому, вросшему в камень Ваенезе домику ньоры Арелли.

— Ах, ньора Алессия, кричит и кричит, никакого сладу с ней нет, — встретила меня на пороге хозяйка — полная, громкоголосая ньора с добродушным круглым лицом

и толстыми темными косами, уложенными вокруг головы горделивой короной. — Я уж и не знала, что делать, вот, Фабио за вами послала.

Она говорила что-то еще, но я ее не слышала. Рванула на себя низкую дверь, кинулась к лоскутному одеялу, прикрывающему соломенный тюфяк, и подхватила заходящуюся плачем Беттину. Даже через толстую ткань рубашки руки обожгло жаром. А внутри разлился холод — страшный, парализующий, мешающий думать и дышать.

— Тихо, маленькая, тихо.

Громкий плач прекратился, Беттина, не открывая глаз, обняла меня за шею и тихонько всхлипывала — тонко, как напуганный щенок.

Святая Лючия!

Я прижала девочку к себе и выглянула из комнаты.

— Что, ньора Алессия? Лекаря? — поняла меня ньора Арелли. — А денег-то у вас хватит? Может, лучше старуху Чиллиту позвать? Та недорого возьмет. Нет? Ну ладно. Фабио, сынок, беги к лекарю Бранелли, да не задерживайся и по сторонам не глазей, а то знаю я тебя!

Ньора притворно нахмурилась и замахнулась на сына полотенцем.

— Чего стоишь? Бегом!

Фабио зыркнул на мать круглыми, как черные виноградины, глазами и сорвался с места, а я плотнее прижала к себе Беттину и принялась расхаживать по малюсенькой комнатушке, покачивая девочку и молясь, чтобы доктор пришел как можно скорее.

Минуты тянулись медленно. Маленькое тельце в моих руках казалось нестерпимо горячим, а дыхание, вырывающееся из влажных губ, было хриплым и частым.

— Тихо, Беттина, не бойся. Все будет хорошо.

Как же мне хотелось в это верить! Если я потеряю Беттину... Нет, я не могу. Не могу. Нельзя об этом даже думать. Она поправится. Обязательно поправится.

— Я рядом, малышка, я с тобой. Потерпи. Скоро тебе станет легче.

— Вот, ньора лекаря, здесь, — послышался голос ньоры Арелли, и в комнату, пригнувшись, вошел невысокий ху-

дощавый нюр в традиционной черной верте и широких шерстяных штанах.

Память услужливо подсунула схожую картинку — светлый нюр Перделли, кровь на простынях, бледное лицо Джованны...

— Положите девочку, нюра, и отойдите, — сказал доктор, и во взгляде, которым он окинул мою одежду, я разглядела презрительное удивление.

Что ж, вид у меня и правда неважный.

Я осторожно наклонилась и попыталась уложить Беттину, но та тут же снова расплакалась и вцепилась в мои лохмотья с недетской силой.

—Тихо, родная... Тихо.

— Я сказал, положите ребенка, — недовольно процедил доктор, наблюдая, как малышка заходится плачем.

Мне с трудом удалось оторвать от себя горячие ручки и отступить на шаг назад. Плач стал громче.

Доктор открыл свой саквояж, достал трубку и маленькую ложечку, отстранил меня и склонился над Беттиной, осматривая покрасневшее от натуги лицо, потом ловко сунул в маленький рот ложку, нахмурился, выгасил ее, постоял немного, разглядывая малышку, пощупал ее живот, приложил трубку к груди, пару минут слушал и наконец распрямился.

— Карильская лихорадка, — не глядя на меня, объявил он. — Лекарства от нее нет. Если в течение трех дней девочке не станет лучше, она умрет.

«Увы, я сделал все, что мог, — прозвучал в голове совсем другой голос. — Слишком слабый организм, она была обречена с самого начала».

Я провела ладонью по лбу, стирая горькие воспоминания, а доктор убрал в саквояж свою трубку, отправил Фабио сполоснуть ложку и повернулся ко мне.

— С вас пять динариев, нюра.

Маленькие пуговицы глаз смотрели равнодушно и отстраненно.

Я достала из кармана узелок и отсчитала монеты, но не отдала их.

— Жар... Как его сбить? — с трудом подбирая слова, спросила доктора.

— Можете приготовить отвар сычьего корня и поить девочку каждые два часа, — ответил тот и отвел взгляд. — Не уверен, что поможет, но это все же лучше, чем ничего. Всего доброго, — забрав деньги, поторопился попрощаться доктор и покинул дом.

— Святые Аброзио и Винченцо, вот напасть какая! — осенила себя крестом ньора Арелли. — Бедная малышка!

Ньора принялась причитать, поминая святых покровителей Навере, а я сунула Фабио десять кьеров и отправила его к живущей неподалеку травнице. Все-таки хорошо, что тот странный ньор кинул мне динар. Можно будет купить для Беттины козьего молока.

—Тихо, маленькая, тихо, — укачивая девочку, беззвучно шептала в такт своим шагам. — Я никому не дам тебя в обиду. Ты обязательно поправишься.

Алессандро Абьери

Алессандро беспокойно ходил по просторному кабинету. На душе было пасмурно. Четвертый день площадь Варезе жила собственной жизнью, привычно шаркая сотнями ног бездельников-горожан и воркуя невыносимым любовным угаром толстых наверейских голубей, и только одной составляющей этой жизни не хватало — нищенки. Оборванка исчезла. Она не появлялась уже четыре дня, и все эти четыре дня его мучило неприятное, как прокисшее вино, чувство. И темная магия снова набирала силу, питаемая его недовольством, а с ней и Гумер становился злее и беспощаднее, и сложнее поддавался контролю. Мадонна! До Ночи Синего Сартона еще десять дней, а ему все тяжелее держать себя в руках.

Алессандро остановился и обвел взглядом до мелочей знакомый кабинет. Массивный палисандровый стол — творение знаменитого Бротто, затканые яркими цветами шторы, глубокие кресла с обитыми бархатом подлокотниками, большой, на всю комнату, льенский ковер, сотканный руками знаменитых островных мастериц, изящная бронзовая люстра с цветными веранскими плафонами. Дорогая обстановка комнаты неожиданно показалась потускневшей, как фальшивая позолота.

Алессандро устало потер глаза и снова принялся ходить из угла в угол.

Пять портретов герцогов Абьери кисти Джованни Сарелли и его ученика Бенито Готти провожали его своими глазами, отсчитывая пройденные им пьеды. Десять, двадцать, тридцать, пятьдесят... Когда счет перевалил за сотню, в двери постучали.

— Ньор герцог, письмо от ньора Скорцио.

Джунио неслышно просочился в кабинет и положил на стол запечатанный конверт. В комнате повеяло мятной туалетной водой. Гумер недовольно дернул ухом.

— Посыльный спрашивает, ждате ли ответ?

Слуга соорил серьезную физиономию, но быстрый взгляд смешливых глаз все испортил.

— Что-то ты подозрительно весел, — прищурился Абьери. — Опять у Норины ночевал?

— Ну что вы, ньор герцог, я про Норину и думать забыл! После вашего-то внушения.

Джунио сокрушенно вздохнул и опустил голову, скрывая плутоватую улыбку.

— Смотри, если и эта понесет — жениться заставлю, так и знай!

— Ох, хозяин, пощадите! В мире слишком много прекрасных женщин, чтобы довольствоваться одной! — патетично воскликнул Джунио, и смазливое лицо украсила обаятельная улыбка.

«Знает, что хорош, сукин сын, и пользуется этим без зазрения совести», — мелькнуло в голове, но он ничего не сказал, только посмотрел на слугу, и тот мигом перестал улыбаться. В черных глазах застыла настороженность. Что ж, как бы ни был бесшабашен Джунио, хозяина он побаивался. Впрочем, как и все остальные.

Алессандро пересек кабинет, взял письмо и сломал печать.

Мелкий убористый почерк покрывал надушенный лист почти целиком, и он словно вживую услышал высокий угодливый голос. «Дражайший герцог Абьери, — назойливо звучал тот. — Я всесторонне изучил Ваш вопрос и пришел к выводу, что Ваша магия слишком необычна и не подда-